

Олег РОМЕНКО

ГРИБНАЯ РУЛЕТКА

Рассказ

— Хочешь, грибочков нажарю? — спросила бабушка, вернувшись с рынка с полной сумкой опят.

При моей привередливости в еде это было предложением, от которого невозможно отказаться.

Бабушка надела очки, внимательно осмотрела грибы, разрежала их и отложила червивые. Во время варки она добавила в кастрюлю очищенную луковицу и пояснила:

— Если грибы ядовитые, то лук посинеет.

Но луковица осталась белой. Может, потому, что бабушка так тщательно перебирала грибы, а может, потому, что лук не синее при варке.

Когда на столе появилась сковородка, дышащая ароматным и головокружительным паром, мой мозг отключился, и команду взять в руки ложку и хлеб отдавал уже поющий желудок. Я быстро пережевывал ломтики румяной, пропитанной маслом картошки с хрустящей корочкой, а скользкие и нежные шляпки опят так возбуждали мои вкусовые рецепторы, что иногда я проглатывал их, как устриц.

— Ну вот! Пообедал как человек, — одобрительно улыбнулась бабушка, убирая пустую, выскобленную вилкой сковородку, — а то ешь как кошка.

Но еще больше, чем есть, я любил собирать грибы. Завтра рано утром за нами с дядей Сашей должны были заехать тетя Люда с Ереванычем, захватив по пути маму, и потом все вместе отправиться в лес за грибами. С вечера я был взволнован и боялся, что взрослые обманут, не разбудят меня и уедут по-тихому. Проснулся еще затемно и больше не смыкал глаз. Первые мои мысли при пробуждении были снова о школе, которая в последнее время стала похожа на сумасшедший дом.

Страна готовилась отметить семидесятую годовщину Октябрьской революции, а наша молодая и боевитая директриса решила провести «военный парад» в актовом зале. Принимать парад она решила со сцены, как с трибуны Мавзолея, в окружении свиты завучей и председателей родительских комитетов.

Наш класс — «летчики». В синих брючках, белых рубашках с синими погонами, галстуками и пилотками, мы вместе с «танкистами», «артиллеристами» и «моряками» из параллельных классов готовились промаршировать по периметру актового зала. Девчонки должны будут стоять вдоль стен, изображая ликующие народные массы, восторженно приветствующие проявление мощи советского государства в лице участников парада.

Олег Сергеевич Роменко родился в Белгороде. Поэзия и проза публиковались в журналах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Север», «Южная звезда», «День и ночь», «Ротонда», «Земляки», «Звонница» и других.

А тем временем бабушка встала со своей скрипучей кровати, прошлепала, сонно и сладко зевая, на кухню, включила свет и поставила чайник на плиту. Я потянулся и подумал, что не случайно мне выпал жребий «летчика».

Из наших окон был виден смешанный лес на холме. Путь к нему лежал через овраг, приспособленный жителями новостроек под огороды. У подножия холма находилось село Пушкарное, а за домами протекал журчащий меловой ручей. Я любил перепрыгивать через него с разбега. Дальше начинался подъем к лесу, в котором я недавно набрел на могилу неизвестного летчика.

Я часто видел торжественное возложение цветов при большом скоплении празднично одетого народа, у Вечного огня и у диорамы «Огненная дуга», посвященной Прохоровскому танковому сражению, но здесь... Меня поразило, когда впервые, немного углубившись в лес, я неожиданно обнаружил скромную могилу в окружении дубов и осин. Маленькая мемориальная плита, обложенная вокруг плиткой. Самолет упал здесь в августе 1943-го, накануне освобождения Белгорода. Потом каждый раз, когда я приходил сюда, всегда видел на могиле свежие цветы.

В тот день я долго бродил по лесу, в котором сорок лет назад шли ожесточенные и кровопролитные бои. Полузаросшие траншеи были усыпаны желудями и разноцветными опавшими листьями. Я ворошил их палкой и разгребал руками, когда находил грибницу опять с веснушчатými шляпками.

Вдруг справа я услышал рокот моторов и лягз гусеничных траков. Я замер, прислушиваясь, и залег в траншее, выставив вперед палку, как винтовку. Мне казалось, что сейчас между стволами деревьев замелькают немецкие солдаты в мышинной форме со стальными котелками на головах, опять вероломно напавшие на нас. Испугался я не на шутку, но быстро сообразил, что это работают трактора, ведь сразу за лесом начинались колхозные поля.

Свист чайника на плите снова вернул меня в реальность, а потом раздался громкий звонок в дверь. Бабушка впустила гостей, и прихожая наполнилась возбужденными голосами.

— Вы еще спите, сони! — воскликнула тетя Люда.

— Да пусть хоть чаю попьют! — разволновалась бабушка.

— Какой чай, мать! — возмутился Ереваныч. — Пока вы соберетесь, там уже ничего не останется, только прокатаем бензин впустую!

Тетя Люда познакомилась с Ереванычем на юге, куда оба попали по путевке. Их курортный роман увенчался крепким гражданским браком.

Через пятнадцать минут все уже сидели в голубом горбатом «запорожце». Когда мы тронулись, то показалось, будто я еду с горки на самодельном самокате с колесиками из заводских подшипников, под которым каждый камешек дробленого асфальта слышно.

— Ереваныч, прибавь газу! — прикрикнул хмурый и невыспавшийся дядя Саша. — Если мы будем так ползти и тарыхтеть, то весь город разбудим!

В домах, мимо которых мы проезжали, действительно то тут, то там в окнах на разных этажах вспыхивал свет.

— Ничего! — язвительно улыбнулась тетя Люда. — Главное, чтобы этот драндулет на дороге не рассыпался.

Ереваныч спокойно реагировал на эти колкости, как йог, закаленный многолетней практикой.

Выехав за город, мы промчались через пригородный частный сектор, переполошив там всех петухов. Вскоре на небольшой возвышенности показался лес. Ереваныч посмотрел в зеркало заднего вида, заглушил двигатель и, сделав отчаянное лицо, воскликнул:

— Людочка! Машина в гору не пойдет! Дымить!

— Вылезаете и толкаете! — недовольно скомандовала тетя Люда.

Но высунув ногу за дверцу автомобиля и не найдя точки опоры, она требовательно закричала:

— Дядька Пес! Помоги мне выбраться!

Между собой они называли дядю Сашу — Пес, маму — Лиса, а тетю Люду — Ворона. Дядя подошел к сестре и, почтительно склонившись, поцеловал ей руку, а потом помог выбраться на зеленую лужайку. Тетя добивалась особого к себе отношения, как к герцогине, но никто, кроме младшего брата, не соглашался признавать ее таковой. Даже я, которого она за это с шипением называла — Змееныш.

Вчетвером мы уперлись руками в зад «запорожца», и благодарная машина выстрелила в нас клубами черного дыма с хлопьями сажи. Я почувствовал вкус гари во рту и тошнотворный шарик в горле.

— Не пыли, пехота! — выругался дядя Саша.

Из форточки высунулась лысая голова Ереваныча и возмущенно потребовала:

— Толкайте сильнее! Машине нужна хорошая тяга!

Затолкав машину на гору, мы поехали вдоль леса над оврагом по укатанной грунтовой дороге с неглубокой колеей. Все чутко прислушивались к реву мотора. Как бы не пришлось снова толкать. Вскоре показалась небольшая, еще зеленая полянка, вклинившаяся, как полуостров, в море желто-багряного леса. К ней мы и свернули.

— Вы там идите себе, — с прохладцей сказал Ереваныч тоном человека, больше не нуждающегося в наших услугах, — а я машиной займусь.

— А чего ты нас гонишь? — заупрямилась тетя Люда. — Мы хотим сначала чаю попить.

— Пейте, — смиренно вздохнул Ереваныч, вытащил замызганную тряпку, засунутую между передними сиденьями, и вышел из машины.

— Пойду покурю, — страдальчески вздохнул дядя и выскочил следом за водителем.

Мама достала термос, открутила крышку, вытащила из стеклянной колбы деревянную пробку и налила в граненый стакан горячий и дымящийся грузинский чай, а тетя достала из сумки кулек с конфетами «Каракум».

Когда мы перекусили, в машину вернулся дядя Саша. Откинувшись на спинку сиденья, он закрыл глаза и обессиленно застонал.

— Что с тобой? — спросила мама.

— Да сердце, Нин! — ответил страдалец.

— Ты пьешь, куришь, ничего не ешь — вот и результат! — отчеканила врач «Скорой помощи» тетя Люда. — И как нам теперь с тобой быть?

— Вы идите сами, Люд, а со мной Ереваныч побудет, — разрулил дядя Саша.

Втроем мы пошли в лес, от которого веяло сыростью, как от реки. Тусклое солнце безнадежно пыталось пробиться сквозь плотную серую пелену. Наше вторжение не осталось незамеченным, и по лесу эхом прокатился птичий гвалт. «Чьи вы?! Чьи вы?!» — удивленно спрашивали нас птицы. У самого входа перед нами появились, как часовые, кусты терновника.

— Надо будет потом на компот нарвать, — сказала мама.

По лесу мы медленно пошли цепью, разгребая палками, особенно возле пеньков, опавшую листву. Вскоре тетя Люда весело окликнула маму. Они остановились и оживленно заговорили. «Ну и грибники...» — вздохнул я и пошел дальше один. Среди деревьев я ощущал себя как в толпе людей и обгонял их одно за другим. Неожиданно передо мной появился куст шиповника. С вытянутыми вперед ветками, он был похож на слепого, пробирающегося на ощупь. Я посторонился и боком обошел его, а когда повернулся, то прободал лбом невидимую паутинку, пощекотавшую мне лицо.

На плече у меня оказался маленький серый паучок. Я дернул рукой, и он скатился по рукаву прямо в море опавшей листвы, в которую он то нырял, пропадая из виду, то появлялся снова на гребне кленового листа, быстро перебирая лапками, чтобы опять исчезнуть. А вот и первый опенок. Совсем один в этой гуще тлена, выделяющийся своей узнаваемой шляпкой, усыпанной веснушками. «Они где-то рядом, и их здесь много», — заговорил во мне инстинкт грибного охотника.

Дальше лес становился все более диким и первозданным, куда, казалось, не ступала нога человека. Деревья росли все ближе друг к другу, и впереди их стволы сливались в одну сплошную стену. Неожиданно я наткнулся на большой и черный потрескавшийся пень векового дуба, поросший ярко-зеленым мхом, белым как снег лишайником и густо населенный желто-коричневыми опятами со стиснутыми соседями шляпками. Это был целый грибной мегаполис со своей агломерацией — в радиусе нескольких шагов вокруг пня я заметил еще небольшие колонии опят.

Пролазив полчаса на коленях, я насрезал полный пакет грибов и присел на пень. Мне снова вспомнилась школа, которая не отпускала, как зубная боль. Вчера мы после уроков переоделись в «летчиков» и пошли в спортзал репетировать парад. Маршировали по четверо в ряд, но так плохо, что классная без конца сыпала едкими замечаниями, от которых мы стали пунцовыми, как помидоры.

Конец этому издевательства положила директриса, неожиданно заглянувшая в спортзал. Это была высокая полная женщина с пышной прической. Ее невозмутимо-насмешливое лицо и подернутые влагой льдисто-синие глаза наводили ужас на подчиненных, для которых она до сих пор оставалась загадкой.

Классная размашистыми шагами двинулась к начальнице, раскачиваясь на ходу.

— Как проходит ваша репетиция, Римма Алексеевна? — покровительственно спросила директриса.

— Отлично! — взвизгнула наша маленькая классная и тряхнула от восторга белыми кудряшками, как болонка, уставясь взглядом в желтый крашенный дощатый пол.

И тут чья-то невидимая рука взяла за подбородок Римму Алексеевну и стала, не смотря на ее сопротивление, медленно поднимать голову нашей классной вверх, заставив учительницу смотреть в непроницаемые глаза директрисы.

— Не подведете? — саркастически улыбнулась начальница.

— Не подведем, Евгения Ивановна! — вскричала как ужаленная классная и испуганно оглянулась на нас, сгрудившихся под баскетбольным щитом.

— Занимайтесь! — решительно сказала директриса. — А потом мы с вами еще проведем генеральную репетицию.

Меня передернуло от этих воспоминаний и захотелось остаться в лесу надолго, как Ленин в Разливе, тем более что начинало теплеть и светлеть. Луч солнца наконец пробился сквозь пелену облаков и, просочившись через кроны деревьев, скользнул по моему лицу. Я громко чихнул — «апчхи» — и тут же эхом прозвучало в ответ: «Ау! Ау!» Это мама с тетей начали меня искать. Я нехотя поднялся и пошел им навстречу.

— Ты где шляешься, Змееныш?! — сузив смеющиеся глаза, грозно зарычала тетя. — Мы тебя уже полчаса ищем!

— А почему у вас так мало грибов? — ответил я вопросом на вопрос. «Наверное, опять обсуждали Ереваныча», — подумал я, но промолчал.

— Нинель! Да он издевается над нами! — завелась тетя, почуввав интуицией эту недосказанность в моем вопросе.

— Пойдемте назад, — уставшим голосом сказала мама.

На просветлевшей полянке «запорожец» пыхтел, как самовар на веранде, поджидающий нагулявшихся дачников. Ереваныч сидел за рулем и сосредоточенно, как врач,

прослушивал работу двигателя. Дядя Саша стоял над ним и что-то кричал, опираясь руками о крышу и открытую дверь машины. Заметив нас, он громко хлопнул дверцей и двинулся нам навстречу, растопырив руки и выписывая ногами изощренные вензеля, как фигурист.

— Леша! Племянш! — заорал он, выплевывая слова вместе со слюнями мне в лицо. — Бросил дядьку?!

— Ты бы пить бросал, дядька! — заступилась тетя.

— Кто?! Я?! — все так же разбрызгивая слова на мельчайшие капли, кричал дядя Саша. — Да я скорее есть брошу!

— Не болтай! — с досадой отвернулась от него тетя, и мы пошли к машине.

— Кибартай — это станция в Литве! — ввернул любимую присказку своего отца дядя Саша и поплелся, пошатываясь и ухмыляясь, следом за нами.

В машине тетя набросилась на Ереваныча:

— Ты зачем Сашку напоил?

— Людочка, как я мог отказать, если у человека сердце болит? — обиженно оправдывался наш водитель.

Дядя, откинувшись на заднем сиденье и закрыв глаза, заунывно запел:

— «Ридна мати моя, ты ночей недоспала...»

«Больше не поеду с вами за грибами», — насупившись, подумал я.

Еще когда мы пили чай в машине, я заметил, как дядя подошел к Ереванычу и, соединив колечком кончики большого и указательного пальцев, щелкнул себя по кадыку. Зять угрюмо посмотрел на шурина, но все же утвердительно кивнул. Бабушка навязала нам дядю Сашу, чтобы он после вчерашней попойки снова не напился утром.

Но все испортил Ереваныч, который из кожи лез, стараясь всем угодить, чтобы войти в новую семью. Зная, какая бабушка вспыльчивая, взрослые ехали в подавленном настроении. Лица их были напряженны и сосредоточенны. Одному дяде Саше было хорошо, и он, слегка раскачиваясь, как неваляшка, между мной и мамой, продолжал концерт по заявкам:

— Вези меня, извозчик, по гулкой мостовой!

Домой мы вернулись все вместе. Тетя настояла на явке с повинной. Бабушка открыла дверь, и следы радости тут же исчезли с ее лица. Она молча пропустила нас с дядей, как домашних питомцев, и, с горечью посмотрев на остальных, нерешительно топтавшихся у двери, всхлипнула:

— Бессовестные...

Я оставил на кухне пакет с грибами и побежал к Костику Емельянову. Он жил на первом этаже в пятикомнатной квартире, в которой у него была своя крохотная комнатушка. Родители Костика были пенсионерами, две старших сестры жили с матерью, а для своих племянниц он был старшим братом.

Дверь мне открыл сам Костик.

— Привет! — удивленно воскликнул он, и его лицо озарилось такой искренней радостью, что я сразу забыл про все неприятности. — Я к тебе заходил недавно, а бабуля сказала, что вы еще не вернулись!

— Только что вернулись, и я сразу к тебе, — успокоил я друга. — Даже не посмотрел, во сколько сегодня хоккей.

— Давай у меня посмотрим программу! — радушно пригласил Костик.

Мы зашли на кухню. На стенах сквозь экономно размазанную темно-синюю краску повсюду проступала купоросная травянисто-зеленая. У плиты стояла мать Костика в сером халате и белой косынке, которую не снимала даже дома. Она подняла крышку со сковороды, взяла деревянную лопатку, и переворачиваемая ею картошка

еще веселее зашварчала в кипящем подсолнечном масле, покрываясь золотистой корочкой. На потолке над плитой чернело пятно копоти.

За старым, исцарапанным ножом столом с отбитыми углами сидел отец Костика — Владимир Иванович с Вовочкой-Тридцатиком. Два эрудита разгадывали кроссворд, сомкнув лбы над газетой. Нездоровое, с желтоватым оттенком, лицо Владимира Ивановича, изрезанное сетью глубоких морщин, словно когда-то оно напоролось на сетку рабицу, было наделено подвижными и буравящими голубыми глазами, в которых отражалась серьезность и чудаковатость его натуры.

Вовочка-Тридцатик был старше нас на пять лет и сначала казался мне вполне разумным человеком. Я недоумевал, почему он учится в школе для умственно отсталых. В отличие от остальных ребят, которые смеялись и плакали, дрались и дружили, обижались и мирились, Вовочка всегда был на позитиве и никогда не расстраивался. Его медовые глаза ласково улыбались всем без разбора, как солнце.

— Язык древних римлян, — торжественно, как на экзамене, зачитал очередное задание Владимир Иванович, поправив очки на носу.

Вовочка мотнул головой, и длинный черный чуб упал ему на глаза. Он зачесал его пятерней назад и, не отнимая ладони от макушки, с зажмуренными глазами экзальтированно забормотал, будто в трансе:

— Латыни... Латыни... Латынь! Латынь!

— Угу! — как филин, ухнул Владимир Иванович и, посплюнявив карандаш, стал заполнять клетки кроссворда.

— Дядь Вов! Латынь! — не унимался перевозбужденный Вовочка.

— Не напирай, Володька! — сердито буркнул Владимир Иванович и дернул локтем. — Я записываю!

— Пап, ты не видел программу? — спросил Костик, роясь в кипе излохмаченных газет на холодильнике.

— Не мешай, Костя! — строго прикрикнул отец. — Сам ищи, что тебе нужно!

— Я только спросил! — обиделся сын и враждебно посмотрел на отца, который опять погрузился в кроссворд.

— Давай теперь посмотрим слово по вертикали. Девять букв, и три из них нам уже известны, — обратился к Вовочке Владимир Иванович.

— Вот она! — радостно воскликнул Костик, найдя наконец, как иголку в стоге сена, тоненькую «Белгородскую неделю».

— Столица Пакистана. Ну, это мы знаем и без подсказки-а-о-к, — растягивая последнее слово, как меха баяна, зевнул Владимир Иванович.

— Дядь Вов! — восторженно воскликнул Вовочка. — Да тебе на телевидение надо! В «Что? Где? Когда?».

— Да что я там забыл, Володь? — смущенно и самодовольно улыбаясь, промурлыкал Владимир Иванович.

— Так, посмотрим, — развернул газету Костик. — В полпятого хоккей: «ЦСКА» — «Торпедо» (Горький). А в семь по второй футбол: «Арарат» — «Динамо» (Киев)».

Недавно я смотрел по телевизору матч «Арарата» с московским «Торпедо», и ереванские болельщики всю игру энергично подпрыгивали и махали руками. На стадионе стоял несмолкаемый гул от их скандирования: «„Арарат“-гум-гум! „Арарат“-гум-гум!» «Нелегко сегодня будет киевлянам», — подумал я. Владимир Иванович словно подслушал мои мысли и задушевым голосом сказал:

— Меня, ребята, в футболе, кроме «Спартака», ничего больше не интересует.

Мы пошли в комнату к Костику и там продолжили болтать о футболе и мечтать, как поступим в детско-юношескую спортивную школу, а потом нас пригласят в высшую лигу.

- И мы будем играть за «Торпедо! — воскликнул я.
- Ага! — зачарованно поддакнул Костик. — А я за «Спартак!»
- И Лобановский возьмет нас на чемпионат мира! — продолжал грезить я.
- И мы покажем этим бельгийцам! — грозно нахмурился Костик.

Дверь в комнатку приоткрылась, и показалась голова мамы моего друга, тети Кати. Ее сухощавое лицо с острым подбородком, бледными губами, впалыми щеками, тонким прямым носом и внимательными умными карими глазами было похоже на лицо своего позднего сына.

— Костюш! — теплым и мягким голосом обратилась она, — Я вам с отцом картошки нажарила. Поешьте, а я к Наташке схожу, внуков проведу.

— Хорошо, мам! — ответил Костик. Мы с ним еще поговорили минут пятнадцать и разошлись.

Дома продолжался «концерт» дяди Саши. Он сидел на кухне с разлохмаченным чубом, за который часто хватался по пьянке, будто хотел его вырвать, когда распевал свои душещипательные песни. Перед ним стояла сковорода с жареной яичницей и колбасой, а рядом початая бутылка «гнилухи». Дядя Саша мотал головой и, зажмурившись, надрывно выл:

— «И молодая-а-я не узна-а-ет...»

Бабушка искоса глянула на меня и как ужаленная осой взвизгнула:

— Не буду я сегодня возиться с твоими грибами. Ешь сам, что хочешь!

Бросила полотенце на холодильник и ушла.

— Леша! Племяш! — оборвал свою песню дядя Саша. — Садись! Поговорим!

— Некогда мне! — грубо ответил я, отрезая горбушку хрустящего батона.

В холодильнике я нашел маленькую баночку сметаны и сморщенную «жопку», оставшуюся от палки вареной колбасы. Собрав все это, я ушел обедать в комнату.

Только я перекусил, как раздался звонок в дверь. Передо мной стоял зареванный Костик.

— Можешь выйти?

Мы уселись на фанерный загром в углу площадки, где бабушка хранила картошку, и друг мой пожаловался:

— Вовочка-Тридцатик мою картошку сожрал.

— Как? — удивился я и глубоко вздохнул, стараясь подавить подступающий к горлу смех.

— С отцом вместе сожрали, — обиженно продолжал Костик. — Отец мне говорит: «Но он же голодный!» А я ему: «Я тоже голодный!» А он: «Но он же наш гость!» Вот мать вернется, она ему устроит!

Помимо родителей-пенсионеров с Костиком жила сестра с двумя детьми. Муж ее работал электриком на стройке, и его убило током. Семье приходилось туго. Не спасало и то, что Владимир Иванович «захапал» ничейную землю под своим окнами и превратил ее в сад-огород, рассадив по периметру смородину и крыжовник, в «квадрате» — сливы, вишни и абрикосы, а под ними клубнику и зелень. Когда Костик вырос, он плюнул на учебу и карьеру и пошел на рынок работать рубщиком мяса.

Мне вспомнился рассказ, который нам недавно прочитала учительница. Он был о том, как мальчик забыл завтрак, и все товарищи печально вздыхали и сочувствовали ему, но лишь один из них разделил с одноклассником бутерброд с маслом.

— Подожди минуту! — воскликнул я и, спрыгнув с загрома, побежал домой. На холодильнике лежал кулек жареных семечек и кулек шоколадных конфет, которые бабушка купила месяц назад и на днях грозилась съесть их сама, раз уж я такой жестокосердный, что даже ни одной конфетки не попробовал.

Семечки были слегка подгоревшими, и от них во рту горчило, но тем приятнее было заедать их конфетами. Моему другу угощение пришлось по вкусу, и скоро он забыл о своем горе.

— А давай завтра пойдем в пушкарский лес за грибами, и мать нажарит тебе картошки с грибами, — предложил я.

— Давай! — обрадовался Костик, и мы условились встретиться рано утром.

Но с утра зарядил обложной дождь. В комнате было мрачно, почти как ночью. Дождь монотонно шелестел за окном, и мне не хотелось вылезать из-под одеяла. На соседней кровати лежал дядя Саша. Он, как и я, проснулся от шума нескончаемых капель.

— Леша, чуешь?! — заговорщическим шепотом окликнул он меня.

Я натянул одеяло на голову.

— Эх! — тяжело вздохнул непохмеленный дядя Саша. — Митька помирает, уши просит.

Раздался звонок в дверь. Я вскочил и опрометью бросился открывать. В коридоре чуть не врезался в бабушку.

— Это ко мне! — крикнул я и не ошибся.

На пороге стоял Костик в синей болоньевой куртке с капюшоном, штопаных-перештопаных черных трико и в неизменных кедах.

— Ну что, идем? — радостно спросил он.

— Куда по такой погоде? — вздохнул я.

— Ты же обещал! — нахмурился друг.

Я предложил Костику пойти через дорогу к технологическому институту. В те благословенные времена возле нашей остановки не было даже светофора, и я не раз видел, как иной «лихач»-пешеход останавливался на середине проезжей части, прикуривал, отвернувшись от ветра и пряча в ладонях огонек спички, а потом шел дальше с невозмутимым видом. Возле общежития для иностранных студентов находилась березовая посадка, которую каждой весной затапливала огромная лужа размером с небольшое озерцо. Вдоль посадки тянулся длинный карликовый холмик, который я называл Кордильерами.

Неожиданно обнаружилось, что вся березовая посадка усеяна какими-то неизвестными нам коричневатými грибами. У них были мясистые ножки, а шляпки с волнистыми краями были завернуты внутрь в виде воронки. Хотя грибы эти были укрыты под травинками, прилипшими к их шляпкам, они были настолько выпуклы, что мы с Костиком сразу оценили масштаб нашей добычи.

Я был почти уверен, что грибы съедобные, и поделился сомнениями с Костиком.

— И что нам с ними делать? — огорчился он.

— Может, Вовочке-Тридцатику отдать? — предложил я.

— А вдруг они съедобные? — испуганно возразил Костик.

— Тогда давай к Мезису зайдем, — предложил я. — У него в альбоме полно марок с грибами.

— Миха башковитый! — согласился друг. — У него Большая Советская энциклопедия дома есть.

Мы зашли в наш подъезд и поднялись на девятый этаж в тускло освещенном лифте. На площадке стоял полумрак, и от раскрытого за мусоропроводом окна тянуло сыростью. Но когда мы позвонили к Мезису и распахнулась дверь, нас ослепил яркий электрический свет в прихожей, а в нос ударил дразнящий до слюноотечения запах домашней выпечки. Навстречу нам бодрой походкой, переваливаясь как утка, вышел сияющий громогласный карлик с профессорским лбом по прозвищу Рупор и весело пророкотал:

— П-ррр-ивет, ста-ррр-ики!

«Старику» Мезису пошел уже тринадцатый год, а мы с Костиком разменяли второй десяток.

— Миха, ты в грибах разбираешься? — сразу спросил Костик.

— Ну да! — с достоинством ответил Мезис и приосанился, отведя левую ногу назад, как вельможа, готовый принять челобитную.

— Посмотришь? — заискивающе улыбаясь, раскрыл пакет Костик.

Сначала Миша, сунув руку в пакет, перебирал грибы, как шары «Спортлото», а потом, сунув голову в пакет, стал нюхать дары природы. Втягивая воздух ноздрями, он издавал звуки, похожие на хрюканье. Мне казалось, что сейчас случится превращение и из пакета высунется розовая поросычья мордочка с редкой белесой щетинкой, узкими маленькими глазками и скажет...

— Это свинухи! — вынес вердикт Мезис, продолжая обнюхивать свои пальцы.

— А они съедобные? — с робкой надеждой спросил Костик.

— Конечно! — возмущенно воскликнул Рупор, как будто в самом названии грибов уже содержался исчерпывающий ответ. — Я бы сам их наве-ррр-нул бы с удовольствием!

— А давай мы их тебе подарим? — вмешался я, стараясь придать своему голосу естественное звучание.

— Вы чего, пацаны?! — отшатнулся к двери Мезис, и его большие голубые глаза округлились, как у совы. — Это ваши г-ррр-ибы, вы их и ешьте! Мне чужого не надо!

Почувствовав неловкость, мы разошлись, недовольные друг другом. Однако у нас с Костиком тут же созрел новый план. Ниже этажом жил Вовочка-Тридцатик с матерью, которая работала уборщицей на заводе. На восемьдесят рублей особо не разгуляешься, особенно если их разделить на двоих. Вовочка всегда был рад любому угощению. Заклеймив Мезиса как насквозь лживого и коварного карлика, мы с Костиком позвонили в дверь к Тридцатику.

Нам открыла мать Вовочки Раиса Михайловна. Это была дородная женщина с вытянутыми вперед трубочкой, будто для поцелуя, губами и черными, пустыми и выпуклыми, как у куклы, немигающими глазами. Один раз проехавшись с ней в лифте, я понял, что такое настоящая «комната страха».

— Володя, — визгливым, противным голосом закричала она, — к тебе пришли!

— Кто? — послышался в ответ из глубины квартиры приглушенный голос Вовочки.

— Я тебе сейчас дам — «кто»! Ты понял меня?! — взбеленилась Раиса Михайловна.

Не спеша из комнаты вышел Вовочка, тихо и миролюбиво улыбаясь. Он и дома ходил, засунув одну руку в карман, а вторая у него болталась при ходьбе с такой амплитудой, что, глядя ему издали вслед, казалось, будто это не рука, а хвост у него телепается сзади.

— Вам чего, пацаны? — ласково прищурившись, спросил Тридцатик.

— Что это за грибы? — спросил я и раскрыл перед ним пакет.

Вовочка вытащил один гриб, покрутил его пальцами, мечтательно понюхал, как цветок, и выдохнул:

— Это рыжики.

— Ну и бери их себе! — насупился Костик.

— А вы чего? — меланхолично удивился Тридцатик.

— Да мы их уже объелись! — сам не ожидая от себя такого, выпалил я.

— Ну спасибо, пацаны! — оживился Вовочка, прижав пакет с грибами к груди, как родное дитя. — Я прямо сейчас их пожарю!

Вечером мы пришли проведать Вовочку, но мать сказала:

— Его нет!

Больше вопросов мы задавать не стали. Начальники и уборщицы — самые грозные люди, не терпящие, чтобы их отвлекали.

На следующий день утром, когда мы с Костиком сидели в беседке, к нашему подъезду подъехала машина «скорой помощи». Из нее выскочили врач и санитары с носилками, которые они, зажав под мышкой, несли как гладильную доску.

Мы с Костиком посоветовались и решили осторожно пробираться к подъезду. Обогнув медицинскую машину с флангов, как лазутчики, мы юркнули в скрипучую дверь подъезда. И только повернули к лестнице, как увидели толстую седую старуху со второго этажа, поддерживаемую под руки двумя рослыми и мускулистыми санитарями. После каждого шага все ее тело сотрясалось, как желе, а учащенное дыхание было похоже на отчаянное сипение выкипевшего чайника, негодующего и требующего: «Да отключите меня, наконец!» Через три дня она померла.

Когда «скорая помощь» уехала, мы успокоились до такой степени, что решили снова пойти за грибами в посадку. Завернув за угол дома, мы нос к носу столкнулись с Вовочкой.

— Вы куда, пацаны? — спросил он, глядя на нас влюбленными глазами, как домашний питомец на своих кормильцев.

— За грибами, — ответил я и почувствовал острый, как шило, локоть Костика, вонзившийся мне в ребро.

Грибов хватило на всех. Более того, Вовочка отыскал под лапами голубых елей, примыкавших к березовой посадке, еще какие-то диковинные и огромные белые грибы, у которых шляпки были размером с десертную тарелку, а ножки не толще молодого огурца. Вовочка сказал, что это «подъельники» и они такие же вкусные и съедобные, как «рыжики», которые он недавно ел.

Я принес домой полный кулек грибов. Бабушка надела очки и внимательно их осмотрела.

— У нас в Пруссии каких только грибов не было, — сказала, улыбнувшись, она, — но этих я не знаю.

— Это съедобные грибы! — убедительно воскликнул я. — Ребята во дворе ели. Все живы.

— Ну дай бог! — вздохнула бабушка и, перекрестившись, пересыпала грибы из кулька в миску.

В следующем году мы стали ходить по грибы уже с лета. У Вовочки раскрылся талант следопыта, благодаря чему перед нами открылось грибное царство во всем своем многообразии. Казалось, Вовочка из-под земли доставал все эти «рядовки», «волнушки» и прочие, одному ему ведомые «вкусняшки», которые мы не решались есть.

Однажды мы с Костиком возвращались с прогулки и остановились возле палисадника, где его отец рассаживал усы клубники.

— Пап! — окликнул сын. — Ты знаешь, что Вовочка ест все грибы подряд?

Владимир Иванович, сидевший на корточках, тяжело встал и охнул от боли в пояснице.

— Полей мне, сынок! — попросил он, кивнув на детскую желтую лейку, и стал очищать, как штыковые лопаты, одну об другую свои ладони, с которых посыпались под ноги комочки рыхлого чернозема.

Молча вымыв и высушив руки, протерев лицо и шею влажным вафельным полотенцем, Владимир Иванович наконец заговорил эмоционально и веско:

— Я ему объясняю! Володька! Дуралей! Как же ты не понимаешь! Нельзя есть, не зная что! Сегодня ты играешь в грибную рулетку, а завтра сыграешь в ящик! Володька не понимает! Глу-упы-ый!

Тирады Владимира Ивановича были ничто в сравнении с тем, что Вовочка терпел от сверстников. Однажды мы с ним и Костиком сидели во дворе, закрыв глаза и наслаждаясь мягким утренним солнцем. Неожиданно кто-то бросил камень в металлический гараж рядом с нами, и мы от грохота подскочили.

В десяти шагах от нас стоял Димон Войтенко, сын директора школы, которого все боялись во дворе. Димон был ровесником Вовочки. Этот коренастый крепыш с желтой пятнистой радужкой бесстыжих глаз, будто в них кто-то, осерчав, швырнул горсть табака, окинул нас глумливым взглядом, сплюнул через сколотый зуб, держа руки в брюках, и повелительно процедил:

— Эй, Тридцатик, иди сюда!

Вовочка нехотя встал и пошел к нему разбалансированной походкой.

— Ты почему не стрижешься, чаморошный? — начал куражиться Димон. — У тебя баки как у бешеной собаки! Ты знаешь, что такое парикмахерская?

— Знаю, — спокойно ответил Вовочка.

— Вот и ...дуй туда! — приказал Димон и с размаха дал ему пенделя.

И пока Вовочка шел к нам обратно, я увидел, как небольшая «тучка», словно тень, исчезла с его лица, и он, снова привычно и ласково улыбаясь, сказал:

— Пойдемте отсюда, пацаны.

Сейчас, вспоминая события той поры, мне кажется, что я сижу в пустом кинотеатре и смотрю на экране свою жизнь, которая никуда не исчезла, а продолжается где-то там, в недоступном для разрушительной силы мире. Я вижу и ощущаю, как мы идем вдоль пушкарского леса мимо колхозного горохового поля. Вовочка в широкой белой панаме, с высушенной синеватой палкой в руке, весело запрокинул голову вверх, и в его ласковых карих глазах пляшут, отражаясь, солнечные искорки, ликуя вместе с ним. И пусть Бог обделил этого человека разумом, но не обидел «пищеварением», благодаря которому он мог «переваривать» не только любые грибы, но и любых, даже самых ядовитых людей.